

КАМЕНЬ ЗВУЧАЩИЙ И МЕРТВЫЙ

Девятая симфония Брукнера в исполнении РНСО

Независимая газ. — 1994. — 10 марта. — С. 7.

Вадим Журавлев

Башня

МУЗЫКУ и архитектуру всегда объединяло слово. Не банальное — «архитектура» — это застывшая музыка», — а такое, как в стихотворении Рильке «Собор»:

*...В тех городах старинных ты бы мог
От обихода различить размах
Соборов кафедральных. Их исток
Превысил все и вся, он так высок,
Что не вмещается в пределы взгляда,
Как близость собственного «я»-громеда
Необозримая; как будто Рок,
Что в них накапливается без меры*

И каменеет...

Надеюсь, читатель не утомился от цитаты, тем более, что ему будет легче понять, почему в моем воображении этот «гимн архитектуре» всплывал не только при посещении центральной площади Вены, но и на концерте в Большом зале Московской консерватории.

Девятая симфония Антона Брукнера не была завершена композитором. И лишь через сто лет, когда во всем мире уже не найти меломанов, которым бы надо было объяснять, кто такой Брукнер, исследователями его творчества была восстановлена четвертая часть симфонии. Впервые в России ее исполнил на прошлой неделе Российский национальный симфонический оркестр под управлением Михаила Плетнева.

Слушая, наверное, самую гениальную музыку из всего, что было написано до Брукнера (добавлю сюда еще и Малера) и после, я невольно переносился на Домплатц в Вене, где высится громада собора св. Стефана, гениального готического сооружения, строительство которого было начато в XI веке и продолжалось не одно столетие. Девятая симфония во многом напоминает это «посвящение Богу» (даже в подзаголовке симфонии стоит французское «Au bon Dieu»). Музыка и архитектура — два монументальных творения человеческого таланта — сливаются в моем воображении, и уже невозможно разделить архитектурные пропорции брукнеровских контрапунктов от «живого» звучания порталов св.

Стефана. Его роскошное убранство выглядит чрезмерным: статуи, лепнина, барельефы, витражи и другие «архитектурные излишества» разных веков. Но почему весь антураж религиозного обряда не только выглядит изысканно строго, но и волнует? Ка-

достроенным: у него только одна башня. Нарушены многовековые принципы симметрии, строгой архитектурной гармонии. Девятая симфония не только осталась без финала, который всегда был основным компонентом всех симфоний Брукнера, она нарушает так-

Вена. Собор св. Стефана.

чества, целиком присущие и музыке Девятой симфонии. И столь непохожие шедевры не дают своими громадными и впечатляющими размерами, возносятся и зрителя, и слушателя в небеса.

Так — в прелюдии к симфонии, когда «взгляд» Брукнера постепенно поднимается вдоль соборной стены, и, наконец, «запрокинув голову», композитор смотрит в небо. Собор св. Стефана, как и симфония Брукнера, остался не-

же и каноны эпохи романтизма — ее герои так не похожи на «байронических».

В музыке глухого провинциала из Линца невозможно не заметить маниакального стремления покинуть мир «розового немецкого романтизма», потерявшего свои главные нравственные принципы, и обрести их в жизни, отличной от развеселой шумихи империи Габсбургов с ее поклонением вальсам и полькам Штрауса. Страдания

церковного органиста из провинциального города, не нашедшего своего места в круговерти имперской столицы, точно повторяет его соотечественник Рильке, так и не проявивший себя, как верно подданный австрийской монархии.

Слушая адажио Девятой симфонии, понимаешь, что счастливы был Брукнер, лишь обращаясь к Богу. Под пассажи скерцо точно совершаешь нелегкий путь восхождения по сотням ступенек на самую верхотуру единственной башни св. Стефана. Упрямо поднимаешься по крутой лестнице, потому что увиденное не может не впечатлять: современный небоскреб-«стекляшка» и средневековые домишки, крохотные готические церквушки и роскошные барочные соборы, элегантная, как телевизор, башня фабрики, сжигающей мусор, и дворцовый ансамбль Бельведера, у подножия которого в одноэтажной хибаре умирал Брукнер, создавая свою последнюю симфонию. Готовый, как и создатели храма, принести весь этот мир, открывающийся с высоты башни, на алтарь главного собора. И тогда звучит даже камень.

Российский национальный симфонический оркестр и его главный дирижер Михаил Плетнев, к сожалению, еще не принадлежат к числу коллективов, способных исполнять такую сложную музыку. Не хватает зрелости и вдохновения. И дело не в технических огрехах музыкантов или скудости дирижерского замысла, заключенного лишь в одном слове «громче». Кстати, оркестр громыхал, точно рухнувший собор, а под его развалинами погибала в первую очередь великая музыка Брукнера. Исполнение симфонии российскими музыкантами заставляло вспомнить другое архитектурное сооружение Вены — «Обетную церковь», построенную в стиле псевдоготики, неудавшийся близнец собора св. Стефана. Одного взгляда достаточно, чтобы понять смысл слова «псевдо». Камень остается мертвым, он не «звучит» так, как «звучат» брукнеровские пассажи в каждом портале Святого Стефана.

*...Но бой часов — предвестник
смерти скорой
И вслед за ним кончаются соборы
И рост свой прекращают заодно.*